

ЖАСМИН
МАЙЕР

Он знает про неё всё,
кроме самого главного...

ОНЛАЙН

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Жасмин Майер

Онлайн

Серия «Современные сказки о любви»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49652736

SelfPub; 2020

Аннотация

С детства я привыкла рассчитывать только на себя, не доверяя даже самым близким людям. Но на моём пути возник мужчина, который с лёгкостью сломал все барьеры между нами. Максим Соловьев считает, что знает обо мне всё, но он не знает самого главного – и это не только участие в откровенных онлайн-шоу для взрослых. Это постыдная тайна моего детства, которая способна уничтожить близких мне людей. И если Макс останется рядом, он сильно пожалеет об этом...

Содержание

Глава 1. Лера	4
Глава 2. Макс	11
Глава 3. Лера	19
Глава 4. Макс	24
Глава 5. Лера	30
Глава 6. Макс	36
Глава 7. Лера	41
Глава 8. Макс	52
Глава 9. Лера	56
Глава 10. Макс	64
Глава 11. Лера	72
Глава 12. Макс	78
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Глава 1. Лера

– Валерия, сегодня ваша бабушка чувствовала себя лучше. Эти новые препараты творят чудеса!

Я не могла поднять глаза на Зинаиду Степановну. Глядела на высохшие кусты азалии за окном и на трещины на фасаде дома для престарелых. Ведь прекрасно знаю, что Зинаида скажет дальше.

Знаю и боюсь услышать.

– Ей становится только лучше от тех лекарств, которые мы сейчас применяем.

– Сколько? – прошептала я. – Сколько нужно заплатить, чтобы вы продолжили давать ей эти препараты?

Зинаида Степановна назвала сумму.

Эхо полупустого кабинета безжалостно повторило неподъемную цифру. Даже для студентки с очень хорошей подработкой.

– Я достану, – не моргнув глазом ответила я.

Хотя мне и придется похоронить мечту о том, чтобы завязать со своей высокооплачиваемой профессией.

Зинаида Степановна обошла стол и коснулась моей руки так же, как еще полчасика назад гладила узловатые и сухие, как прошлогодняя листва, ладони моей бабушки. И заговорила она со мной так же, как с седой восьмидесятилетней женщиной, которая каждый день на протяжении последних

трех лет видит ее как впервые.

– Лерочка, это очень большие деньги. Я помню, что ты учишься в университете. Ты еще и работаешь?

Никогда. Никогда я не скажу ей правду о том, какая работа позволяет мне оплачивать лечение бабушки. А соврать вслух не смогу. Зинаида меня тут же раскусит.

Силы нашлись только на то, чтобы кивнуть.

– Жаль, – протянула она, – а то у меня было к тебе предложение...

– Какое? – встрепенулась я. – Могу ведь и уйти со своей работы, если ваша хорошо оплачивается.

Правда не знаю, какая приличная работа может приносить столько денег, как моя. Можно попробовать совместить, если зарплата будет хорошая. Днем-то времени у меня полно.

Зинаида не знает, но я давно в академическом отпуске. Главное бабушку поднять на ноги.

– Наша больница сейчас участвует в тендере на реконструкцию фасада, – сказала Зинаида Степановна. – На днях приезжал один директор, осматривал участок. И каждые пять минут у него звонил мобильный телефон. Он чертыхался и матерился, как сапожник, хотя с виду не скажешь, очень приличный мужчина в хорошем костюме. И машина дорогая. Так вот, у него секретарша уволилась, и он никак не может найти себе новую. Не думаю, что твой звонок будет неуместен. Особенно, если ты уточнишь у него про работу.

Я не верила своим ушам. И глазам заодно, когда Зинаида протянула мне белую визитку с вензелями.

– Вы сделали это для меня?

– Конечно. Я повидала многие семьи на своем веку, Валерия, и много раз люди куда обеспеченнее тебя оставляли здесь своих родственников и через месяц-два забывали сюда дорогу. А ты готова на все ради бабушки, но в одиночку ты это лечение не вытянешь. Директор был у нас вчера. Если тебе повезет, то он еще никого не успел нанять. Звони скорее.

Медлить не стала.

Сразу как выскочила из кабинета, вбила дрожащими пальцами номер.

– Алло? – ответил женский голос.

Настроение упало ниже плинтуса.

– Мне бы... – промямлила я.

– Чего?! – рявкнула девица. – Говорите громче!

Орать в коридоре было идеей не лучшей, так что я стремглав понеслась на выход, одновременно с этим прочитав с визитки:

– Мне бы... Максима Соловьева!

Хлопнула дверь, деревянной и тяжелой, как в церкви, в которую мы ходили с бабушкой, и выбежала во двор.

– Вас не слышно! – проорала девица мне в ответ.

Да что ж такое...

– Максима Соловьева! – заорала я тоже, на всякий случай отбежав как можно дальше к усыпанным желтыми листьями

деревьям.

– КОГО?!

– А ну отдайте трубку! – проворчал мужской голос на заднем фоне. – Я даже отсюда ее слышу, а вы, что ли, нет?

– Чего?!

Мужчина ругнулся себе под нос и тихо сказал в трубку:

– Алло. Вы меня слышите?

– Прекрасно! – обрадовалась я. – Я звоню по поводу вакансии секретаря, если вы еще не...

– Еще не, – оборвал он меня. – Давайте проверим кое-что. Я буду говорить цифры шепотом, а вы, если сможете их расслышать, повторять. Идет?

Ничего себе собеседование, подумала я.

– Идет.

– Семь тринадцать тридцать восемь, – сказал он жарким шепотом.

Я повторила.

– Тридцать шесть шестнадцать двадцать пять, – сказал он еще тише. – Услышали?

– Ага.

– А теперь перезвоните. Это мой личный, – сказал он и нажал «отбой».

Черт возьми!

Семь тринадцать двадцать восемь? Нет. Так, еще раз. Соберись, Лера.

Я расслабилась и повторила цифры на память, вбивая их

в телефоне, не задумываясь и без промедления.

Пошли гудки. Ну же. Пусть я не ошиблась номером.

– Алло? – спросил мужской голос.

Тот же. Ура!

– Это снова я. По поводу должности секретаря.

– Отлично. Тесты на слух и скорость восприятия, память и находчивость пройдены. Должность не занята, поскольку в агентстве меня явно не поняли, когда я просил отличную телефонистку. Не думал, что нужно будет уточнять, что она должна быть не только красивой, но еще и не глухой.

– Что?! – раздалось на заднем фоне.

– Вы свободны! – заорал Соловьев, и следом оглушительно хлопнула дверь.

Из-за внезапной тишины я решила, что звонок сорвался, но тут собеседник спросил с тяжелым вздохом:

– Когда вы можете приехать на собеседование?

– Прямо сейчас!

– Диктую адрес.

Это оказался офис в бизнес-центре, до которого я добиралась битых три часа с окраины. Здание из стекла и металла возвышалось среди шумного города величественной колонной, и я впервые подумала о том, какая самонадеянная это идея – стать секретарем для такого человека, который может позволить себе здесь офис.

Интересно, что вообще нужно будет делать?

Ладно, я здесь. И я смогу. Выучу сорта бетона и методы

заливки опалубки или еще что-нибудь. Ради бабушки.

Поднялась в холл и нашла указатель с названием фирмы с зубодробительным названием «Зер-Траст-ЛТД». Логотипом была серая птичка, наверное, соловей. Как-то без фантазии, учитывая имя директора, хотя наверняка и отвалили за логотип уйму денег. Кругом звенящая тишина, как в больнице, белый пол и стены, как в операционной.

Девушка с рецепции сказала, что ее предупредили и меня уже ждут. Офис оказался на двадцать втором этаже.

Я постучала, но мне не ответили. Набравшись смелости, толкнула дверь, и та распахнулась.

Кабинет был огромен. Справа у стены стоял один письменный стол, очевидно, секретаря, а возле окна во всю стену второй – широкий и массивный, скорей всего, директорский. Мужчина с телефоном в руке медленно вышагивал вдоль окна, кивая невидимому собеседнику в трубке.

Я замерла, глядя на него во все глаза.

Каким я представляла директора строительной фирмы? Ну...

Явно не таким. Максим Соловьев оказался высоким мужчиной с широкими плечами и узкими бедрами. С зачесанными назад темными волосами, коротко стриженными у висков. Идеально выбритый.

Он расслабил галстук, все еще продолжая говорить по телефону, и одним резким движением расстегнул верхние пуговицы рубашки. Был вечер пятницы, у большинства рабо-

чий день уже кончился.

Он отшвырнул галстук на стол, заваленный бумагами, и следом за галстуком полетел его пиджак. Я с трудом сдержала нижнюю челюсть на месте.

Под рубашкой угадывались мышцы, а в плечах тонкая ткань сорочки угрожающе натягивалась.

– Да, я опоздаю, – отозвался Соловьев со вздохом, стоя спиной ко мне и лицом к широкому окну во всю стену. – Да, еще одна встреча. Знаю, что пятница!... Нет, не подошла та секретарша. Да не спал я с ней, Лариса!

О, черт.

Я сразу же представила, как Соловьев оборачивается, откладывает телефон в сторону и срывает с себя рубашку, отчего пуговицы летят градом пуль во все стороны. Не замедляя движения, подходит ко мне, всего несколько широких шагов, и сжимает в крепких объятиях. Его жадные поцелуи и вовсе оставляют меня без спасительного кислорода.

Прервать эти поцелуи невозможно. Он срывает с меня одежду, опрокидывает на этот круглый стол, я развожу ноги и...

– Добрый вечер.

Ой.

Кажется, я увлеклась.

Глава 2. Макс

Лариса доводит до белого каления. Вроде бы не жена и не любовница, но всегда волнуется, сплю я со своими секретаршами или нет. Какая сестре на хрен разница?

Мне не везет с секретарями. С тех пор, как два года назад Всеволод увел у меня Марину, ни одна другая на этой должности долго не задерживается. Да, деспот. Тиран. Трудоголик. Да, работать надо много, а график не нормирован.

Всего этого я выслушал уже достаточно. И это истинная правда, но возмутительнейшим обвинением стали злые слова предпоследней секретарши о том, что я, видите ли, импотент или гей, если не соблазнился ее формами.

Формы формами, но эти ее плоские шутки... На такое мой член не подписывался. Впадал в спячку, стоило только услышать. Никакие формы не спасали.

А эта глухая тетеря, которую я вышвырнул сегодня? Да, отличный третий размер – улада глаз во время нудных многочасовых переговоров, но она ведь все-таки должна меня слышать, разве нет?

Из-за другой возможной кандидатки и коротаю вечер пятницы в офисе, пока Лариса ждет меня на семейном торжестве, будь оно неладно. Постоянно какие-то детские дни рождения, крестины, помолвки или свадьбы. Иногда кажется, что Лариса отмечает дни рождения детей дважды в год,

лишь бы видеть меня чаще. Есть у нее пунктик на семье, собравшейся за одним столом.

У меня таких пунктиков нет.

Были, да вычеркнул. Вымарал. И скормил шредеру, чтобы тот превратил мои мечты в ровные белые полосы, которые вынесла уборщица. На городской свалке, вот где теперь мои мечты о семье.

Лариса продолжает в трубке возмущаться тем, что скоро уже вынесут торт, а я все еще не здесь. Понимаю, что у меня даже нет подарка для восьмилетнего Сани, ее среднего сына и моего племянника. Марина всегда подбирала отличные подарки для сыновей Ларисы. Теперь приходится делать это самому.

Лариса, наверное, считает, что я ей вру и нет у меня никаких дел на сегодня. И я просто не хочу приходить. Сестренка хорошо знает, что если не вырвусь сегодня – то горевать не буду. А пацанам на празднике все равно не до меня.

Лариса не просто так зовет меня на все эти детские дни рождения. Где дети, там и мамы в расцвете сил. Одни уже в разводе. Другие – уже собирают на него документы. Это, наоборот, должно насторожить нормального мужика, но Лариса не обращает на эту деталь никакого внимания. И дни рождения превращаются в смотрины «Минуточку внимание! А это мой старший брат, неженат» И добавляла шепотом: «Миллионер».

Деньги. Больше всего их волновали деньги. Жадные

неудовлетворенные женщины, которые по-прежнему знают себе цену и не собираются ее сбавлять. Так себе вечеринки, прямо скажем. Неудивительно, что меня туда не тянет, пусть и увижусь с сестрой и ее сорванцами.

После того, как наконец-то прощаюсь с Ларисой, оборачиваюсь к входной двери и забываю, как дышать.

Девушка смотрит на меня так, как будто я фокусник и сейчас достану для нее кролика из шляпы – глазища большие и круглые. Губы бледные, а ведь привык, что у всех женщин рядом со мной на губах всегда помада. Постоянно. При любых обстоятельствах. Одна красила губы до и после минета, еле уговорил ее не красить их в процессе.

Волосы длинные, светло русые, собраны в хвост на затылке. На висках вьются локоны, выбившиеся из прически.

Фигура нескладная, девичья. Никакого пушапа, обтягивающего корректирующего белья, пояса для чулок, который ненавязчиво проглядывал бы через одежду. Ничего подобного точно нет под ее узкими джинсами с разрезами на коленях. На спине рюкзак, одна лямка постоянно сползает. Сверху свободная рубашка, затянутая узлом на талии.

И между рубашкой и джинсами, чуть ниже пупка. Полоска кожи.

Она ведь пришла ко мне? Устраиваться на работу?

Это чья-то шутка?

– Добрый вечер, – произношу я.

В ответ она проводит по губам языком и шумно сглатывает.

вает.

Ох, ты ж, йобушки-воробушки! У меня стоит, как у старшекласника, у которого свидание с первой красавицей школы. Потому что она и правда похожа на школьницу, никак не на женщину за тридцать, которых было в моей жизни уже очень много. И они не поражали интеллектом. Что может эта девочка?

Резко отворачиваюсь к столу, чтобы скрыть плащ-палатку в штанах.

Это чертовски неправильно раскладывать на столе первую встречную прямо на собеседовании. Нужно хотя бы узнать, сколько ей лет.

Господи, пусть она окажется совершеннолетней.

Просто так. Разумеется.

– Добрый вечер, – отвечает она тихо.

Так в школе отвечают, когда уроки не выучили, а учитель объявил контрольную.

Представляю у доски ее в короткой юбочке, под которой ничего нет.

Мать вашу, да какая к черту школьная доска? Что со мной?

– Присаживайтесь, – киваю на стул напротив. – Это вы звонили по объявлению?

Меня разрывает между желанием услышать, что она знать не знает ни о каком объявлении. Тогда ее можно просто выпроводить из кабинета и не совершать роковых ошибок. И

между желанием услышать ее краткое: «Да», чтобы потом видеть ее пухлые губы каждый день, на протяжении многих часов рядом.

– Да.

Аллилуйя!

– У вас есть с собой резюме?

Прикусила губу. Вот почему ее губы выглядят так словно истерзаны поцелуями. За эти несколько минут она только и делает, что кусает чертовы губы.

– Резюме у меня нет.

Честно? Я бы очень удивился, если бы оно у нее было.

– Не проблема, – быстро отзываюсь, чтобы она перестала терзать свои чертовы губы. Хотя бы при мне. – У вас есть опыт работы?

Чувак, просто спроси, сколько ей лет. Вряд ли в ее возрасте этот вопрос прозвучит обидно.

– Нет. Я не работала секретарем. Я учусь и работаю... дома. Вечером.

– В школе?

– Что в школе?

– Учитесь.

Пulsация в паху отсчитывает каждую долбанную секунду. Отвечай, крошка. Давай же.

Она моргнула.

– В университете.

Джек-пот.

– Правда? – выдыхаю. – На каком же факультете?

– Дизайн интерьеров.

– Хм... Даже близко к нашей отрасли. Это... хорошо.

Это, йошкин кот, просто отлично!

Едва сдерживаюсь, чтобы не сказать: «Поздравляю, вы приняты». Вроде бы у меня была даже анкета для соискательниц. Как-никак серьезная контора. С серьезным боссом. Который не должен мечтать о том, чтобы спустить эти джинсы и провести языком по оголенному животу. И ниже.

При мысли, что она может быть до сих пор девственница, едва не кончаю себе в штаны.

Так, чувак, вспоминай, где эти чертовы анкеты.

– Посмотрите, пожалуйста, – говорю ей, – в ящике вон того стола анкеты для соискателей. Заполните одну.

Черта с два я пойду к тому столу с таким стояком.

Она оглядывается на стол секретаря и спрашивает:

– Сейчас?

– Да.

– Хорошо, – поднимается.

Пока она идет, рюкзак ритмично бьется о ее попку. Святой боже, дай мне сил.

Она садится за стол секретаря и, не найдя куда положить рюкзак, просто сбрасывает на пол. Осматривает беспорядок на столе. Нерешительно отодвигает ящик, один, второй и кивает.

Вытаскивает бумагу, разглаживает ее перед собой, берет

одну из ручек. Бросает на меня короткий взгляд и, наконец, начинает писать.

Она умеет писать.

Это хорошо.

В кабинете тишина. Слышен только скрип ручки по бумаге.

Чувак, ну оторви от нее взгляд. Поработай, что ли. Это офис. Тут обычно работают, а не пялятся на секретарей, перебирая в уме позы.

Это не профессионально. Я же не смогу рядом с ней работать, пока не пересплю.

А я обязательно это сделаю.

И дальше все равно не смогу работать.

Потому что им же всегда нужны сначала оргазмы, а потом отношения.

А я не создан для отношений. И что тогда? «До свиданья, вы уволены, спасибо за секс, не забудьте трудовую книжку в отделе кадров».

Всех прочих даже жаль не было. Всех прочих вполне устраивал такой сценарий, к тому же они всегда оставляли некий процент шанса на то, что все-таки заставят меня надеть кольцо на палец, если будут мастерски брать за щеку во время скучных перелетов из одного конца страны в другую.

Я хочу эту студентку. Но что будет после того, как я ее получу?

Однажды я укажу ей на дверь. Рано или поздно. Она мо-

жет быть глупой куклой, а еще к тому же девственницей.

Кошмар.

Я жесток в бизнесе, но в жизни растоптать и выкинуть вот так девчонку не по мне.

Хотя понятно, что если не я, то кто-нибудь других. Такова жизнь. Но этого хотя бы не останется на моей совести.

Она заканчивает писать и поднимает голову. Волосы русской волной лежат на плече.

– Отдать бумагу вам?

– Нет, оставьте там и можете идти.

В последний раз вижу, как она закусывает губу. Потом поднимается и уходит, не говоря ни слова.

Глава 3. Лера

Я оставила заполненное заявление и ушла, даже не спросив ждать ли ответ. И так понятно, что шансов у меня нет. Он даже не узнал моего имени, не говоря уже о профессиональных навыках.

Да и какие у меня могут быть навыки...

Невероятный стаж работы у меня только на одной должности. И это не та должность, которой гордятся нормальные девушки. К моей чести, я хотя бы была совершеннолетней, когда стала работать на камеру, в отличие от моей соседки по квартире. И потом из всех вариантов грязи, мой еще не самый худший.

Ну, это я так себя обычно успокаиваю.

Когда бабушке поставили диагноз, я только закончила школу. Квартира была переписана на меня, и ее пришлось продать, чтобы обеспечить бабуле профессиональный уход в срочном порядке.

Хорошо, что в те дни бабуля уже мало понимала, что происходит. Иначе потом, когда у меня появились деньги, обязательно бы насторожилась, что такое и откуда столько взяла ее внученька.

Цветочек, так она меня называла.

На продаже квартиры нас кинули. Ну как «нас». Меня. Я-то всем этим занималась, решила, что не буду тратиться на

риэлтора, сама справлюсь. Мне только стукнуло семнадцать. Я рано пошла в школу, была умная и подавала надежды.

Ха.

Теперь мне двадцать четыре и никто не ждет от меня чудес. Ну хотя бы потому что некому больше ждать. А единственный близкий мне человек уже два года как совершенно не узнает меня.

Все девочки моей профессии верят, что это занятие временное. Ведь всем пророчили невероятное будущее в детстве. Но потом что-то пошло не так.

Все средства, что уцелели после аферистов и продажи квартиры, пошли на лечение, а мои мечты купить однушку вместо трешки пошли прахом. Я в буквальном смысле осталась на улице. Хорошо хоть у бабушки была крыша над головой, на клинику мне хватило.

Вместо университета я стала искать работу, чтобы свести концы с концами. Искала тогда преимущественно те должности, которые обеспечивали каким-никаким, но жильем. Это были общежития с кучей мутных личностей, которые пропадали на следующий же день с твоими заработками, если их не удавалось хорошо спрятать.

Это были разные профессии и должности, но среди них не было секретаря у богатого и красивого парня с телом как из порно-фильма. Так что опыт у меня был разношерстный, но бесполезный для трудоустройства у Максима Соловьева.

Я крутилась, теряла и снова находила, сгорала и восста-

навливалась из пепла. Иногда и в буквальном смысле, когда моя малосемейка вспыхнула из-за непотушенной сигареты соседа-алкоголика.

Мне тогда исполнилось восемнадцать, и мне впервые разбили сердце. А еще я лишилась единственного, что у меня оставалось, – девственности. Наивная, как считала по любви. Оказалось, конечно же, что нет. Он прихватил то, что было нажито моим непосильным трудом на аренду квартиры в более-менее приличном районе, и свалил в закат. А я осталась на догорающих руинах малосемейки без гроша в кармане.

Хорошо, что был разгар лета, и я спешно устроилась официанткой на террасу, которая работала круглосуточно. Работать круглосуточно мне, конечно, никто не давал, но я была близка к этому. Спала на ходу и в подсобке, пока разрешали.

А потом наткнулась на объявление. «Работа и жилье. Оплата достойная». Как сейчас помню.

Так и оказалась в приличной чистой квартире, которую впервые за полтора года делила не с десятком незнакомых людей, а всего лишь с еще одной девушкой.

Со временем, я ушла с других подработок. Зарплата, если работать много и часто, была хорошей. Мне оставалось и на себя, и бабушку удалось перевести в клинику лучше, а потом пристроить в дом престарелых с надлежащим уклоном.

Я даже устроилась в универ, тогда денег хватило на то, чтобы оплатить первый курс. Потом, правда, пришлось перевестись на заочное, контракт был дешевле. Из-за того, что

болезнь стала прогрессировать, почти все деньги уходили на лечение.

В двадцать два я взяла академотпуск, из которого до сих пор не вышла. Не знаю, если мне когда-нибудь удастся вернуться в университет на дневное обучение. Я все еще мечтаю об этом, но не уверена, поскольку в сутках по-прежнему всего двадцать четыре часа. А чтобы заработать на контракт и лечение мне нужно хотя бы сорок восемь.

Еще я мечтала, что однажды уйду из чата, но с учетом того, что Соловьев меня вышвырнул, этот вариант, разумеется, не катит. Чтобы оплатить лечение, придется выступать чаще. Конечно, буду пробовать найти вторую работу, но понятно, что все, на что я могу рассчитывать, это всякие урывочные подработки, которые никогда не дадут мне достаточно средств.

А значит, мне пора решиться на парное выступление, на которое так и не решилась за все эти годы, что работаю в ночном чате «Голые девочки онлайн».

Я играю со своим телом на камеру, всегда одна. Всегда только чат, никакой двусторонней связи. Никогда не соглашалась на услуги парня, который отымел бы меня перед камерой. Парное шоу оплачивалось по двойному тарифу, но я всегда держалась подальше от этого.

После такого будет сложно верить, что я все еще не проститутка.

Что ж. Мое время вышло. Пусть это будет на совести Со-

ловьева, хотя он и не узнает об этом.

Пока еду домой, все мои мысли только о нем. Невероятный, красивый, ухоженный мужчина. Я никогда не видела таких вживую. Приятно знать, что они все-таки существуют.

И ведь кто-то спит с ним.

Это уже не так приятно. Какая-то женщина водит языком по его телу, выгибается под ним и стонет, пока он занимается с ней сексом, вдавливая в кровать.

Тем вечером, когда приходит время моего шоу, я ласкаю себя перед камерой, представляя, что это он делает со мной, и шоу получается коротким. Я очень быстро кончаю. И злюсь на него из-за этого. И на себя.

Каждую упущенную минуту этого вечернего шоу мне придется отработать.

Чертов, чертов Соловьев.

Чем быстрее я его забуду, тем лучше.

Глава 4. Макс

Передергивать в туалете на детском дне рождения это, вероятно, наихудшая идея из всех за неполные четыре десятка прожитых лет.

И вот за дверью гремит «Хэппи бездей ту ю-ю-ю-ю», а я думаю о ее тугой заднице и искусанных губках.

Второй раз за вечер.

Первый был еще в офисе. Почти сразу же, как она ушла. Хотя скорее – гордо удалилась.

Я даже не смотрел на ее заявление, чтобы меньше было соблазнов. Просто взял и опустил бумагу в шредер. Пять минут и мы с ней больше не знакомы. И номер телефона из списка звонящих удалил.

Пять минут и больше никаких шансов встретить студентку, которая сводит меня с ума.

Я кончаю, но понимаю, что это как в сотый раз чихать при аллергии. Никакого удовольствия. Меня все еще тянет к ней.

А надо выйти к гостям, к тридцати женщинам, которые одним глазом смотрят на свои чад, а вторым на меня. Знали бы они правду...

Когда я выхожу в зал, человек-паук и Бэтмен уже разрезают торт в виде красной машины. Теперь я официально могу сваливать.

Лариса ловит у гардеробной.

– Ну, Макс, ты ведь только приехал! Идем я тебя с Лизой познакомлю?

Моя младшая сестренка счастлива в браке, у нее трое пацанов, один красивее другого, а ее муж никогда не появляется на этих вечеринках. Лариса сама не пускает. Это мои уникальные смотрины, на которых я скрываюсь в туалете элитного ресторана, чтобы сбросить напряжение из-за какой-то студентки без опыта работы.

Мне нельзя принимать ее в штат.

Как раз из-за того, что я ее так сильно хочу.

Не нужна мне эта головная боль. Сначала все будет красиво, а потом – как у всех. И полный зал разведенков тому доказательство.

– Дела, сестренка, прости.

Целую сестру в лоб и выхожу на мороз. Меня разрывает пополам, и голова совсем не занята тендером, который обязательно нужно выиграть. И завтра действительно нужно работать.

А у меня реально нет секретаря. Это не прихоть.

Иду к машине, сажусь и заставляю себя смотреть на дорогу, а не витать в облаках. Такие поездки плохо кончаются.

Отправляю письмо в отдел кадров, пока стою на светофоре. У них ни хрена не вышло в предыдущие три раза, поэтому я решил проводить собеседования сам.

Это тоже оказалось не лучшей идеей.

А еще эта гребанная тоска по утраченному счастью. На

том дне рождения могли быть и мои дети. Даже несколько. Я мог бы не ехать один в пустую квартиру. Все могло бы быть иначе.

Если бы Маринку не интересовали только деньги. И перспективы с ними связанные.

Приезжаю домой в отвратительном настроении и даже виски не спасает. По какой-то неведомой херне у меня снова стоит, как у подростка в пубертате.

Стояк мешает сосредоточиться на документах, которые нужно прочесть к понедельнику. Решаю, что до понедельника еще уйма времени. И тянусь к телефону.

Окей. Онлайн-порно пришло твое время.

Где эта ссылка от Геныча в почте. В спаме, конечно же. С такими ссылками ни один приличный ящик письма не пропускает.

«Мужик, посмотри! Тебе понравится. Они как живые»

Ясен хер они живые, это же порно в прямом эфире.

Делаю большой глоток виски, пока грузится сайт. Сразу платить не надо, только если время просмотра превысит сколько-то там минут. Хотя, может быть, в третий раз за сегодня я и не уложусь в лимит шести минут.

Тех, кто работает сегодня онлайн, можно выбрать по фото.

Скроллю пальцем, держа стакан виски в другой руке. Делаю глоток, по-прежнему глядя в экран.

И вдруг давлюсь и кашляю. Алкоголь попадает не в то гор-

ло, жжет носоглотку, из глаз – слезы.

Мать вашу, мне показалось?

Увеличиваю фото, жадно рассматривая детали. Она сидит спиной к камере, на пятках. В одних тонких стрингах-нисточках. Смотрит в камеру вполоборота.

Сегодня я уже видел этот профиль. Пока она с серьезным видом заполняла заявление, которое я через пять минут уничтожил.

У нее другая прическа на фотке. Черное блестящее каре. Никакой русой косы.

Ладно. Я знаю, что фотографии могут воровать. Использовать чужие. В конце концов, она может даже не знать об этом. Ведь...

Ведь я, основываясь на ее внешности, решил, что она девственница. Глупые, наивные, излишне возвышенные выводы.

Под фоткой горит статус: «Онлайн». И отсчитываются минуты до начала шоу.

Ставлю пустой стакан подальше. Стягиваю штаны. Не верю, что делаю это, но ладони становятся влажными, когда остается тридцать секунд.

Это будет не она.

Пусть это будет не она.

Или лучше, чтобы была она? Я больше не знаю, как будет лучше. Что вообще может быть лучше, если...

Твою ж, налево! Это она.

Она лежит на спине, призывно приподнимая бедра к потолку. У меня едва ли не капает слюна при виде нее.

Тут внизу экрана появляется строка: «Разденься».

Я здесь даже не один на нее смотрю?!

Хочется отшвырнуть телефон, но она начинает стаскивать с себя узкие джинсы – те самые! – призывно извиваясь, и я сжимаю пальцы вокруг телефона, понимая, что теперь никогда не отведу взгляда.

«Засунь руку в трусики».

Откуда ты такой идейный взялся, пользователь_598?!

Моя девочка на экране послушно скользит пальцами по животу, поддевает трусики и запускает пальцы внутрь. Она охает, прикрывая глаза.

По коже от этого стона – такого естественного стона, – бегут мурашки.

Девственница.

Я решил, что уничтожу ее. А она...

«Сними трусики и покажи себя».

Она разводит ноги прямо перед камерой. Моя рука тянется ниже, мозг давно в отключке. Его вырубил от шока немногим раньше.

Теперь только инстинкты. Думать – потом.

Вот оно, до чего я так хотел добраться. Чем хотел обладать. Упиваться. Пробовать и смаковать.

Ее видят все. Каждый вечер.

Все, кто готов платить.

Она влажная. Я вижу это даже на паршивом экране телефона. Она размазывает влагу пальчиком, чтобы тот лучше скользил. Вводит в себя и снова стонет.

Это звук, который сносит мне крышу.

Выстреливаю тут же. Третий раз за день. Из-за нее.

Она свела меня с ума, этой наигранной неприступностью. Все было ложью. Ее внешность прямо-таки создана для таких онлайн-разводиловок.

Экран телефона меркнет из-за надписи: «Пробное время истекло, оплатите доступ, если хотите продолжить».

Я больше не хочу. Третий оргазм, как и увиденное, опустошил меня полностью.

Старался держаться подальше? Старался не быть грубым? Зачем, если ее прелести видят все желающие?

Подхватываю пустой стакан, и тот летит в стену.

Я думал, что теперь никогда ее не увижу и не найду.

Хорошие новости – я все-таки знаю, где ее найти в любой момент, когда у меня снова будет стоять.

Плохие новости – шредер сжевал заявление, а вряд ли администрация «Голые девочки онлайн» будет так уж любезна, чтобы предоставить ее данные.

А значит...

Охота началась.

Глава 5. Лера

– Ничего себе! Ты же хотела завязать?

Мы с Леной пьем кофе за узким кухонным столом. Сегодня суббота, значит, работать начнем раньше. Тем лучше, я должна провести долгое шоу взамен вчерашнего. А лучше несколько.

– Деньги нужны, Лен. Сейчас завязать никак не выйдет. Так что посоветуй, кому написать. Ты со многими уже работала из конторы. Хорошо их всех знаешь.

Разумеется, у «Голых девочек» есть и голые мальчики, которые иногда работают вместе. Не нужно долго искать партнера.

Лена задумчиво ест овсянку. У меня на завтрак только кофе, не могу впихнуть в себя с утра ничего существеннее этого.

– Ну, смотри. Василия точно не бери. Потом еще дня два сидеть нормально не сможешь. У него агрегат ого-го. На экране-то смотрится отлично, а вот когда он в тебе... Нужны литры чертовой смазки.

– Вычеркиваем Василия, – соглашаюсь я. Скроллю в телефоне анкеты. – А вот этот... Лекс?

– Лекс? – Ленка заглядывает в экран. – А Леха! Ой, этот елозить по тебе будет часа три. Что плюс, конечно, можно много подписок срубить. Но еще можно уснуть прямо в про-

цессе. У него это так муторно все, вяло, до-о-о-олго.

– Да кого же брать? – удивляюсь я. – Неужели нет нормальных?

– Тебе просто срочно надо. А у нормальных все расписано на недели вперед. Кто там остался еще... Во, Сережа. Пиши ему. С Серым хоть кончить можно раза два. По-настоящему. А не только кряхтеть и имитировать.

Лучше бы я вчера имитировала.

Пишу Сергею о парном шоу и желательно скорее. Отправляю ссылку на свой аккаунт и допиваю кофе.

– Идешь со мной бегать? – спрашиваю Ленку.

– Не, – отмахивается она. – Я после вчерашней тренажерки, как лимон. Потом еще полчаса в бассейне. Так что сегодня я пас.

Это я по старинке занимаюсь в парке. Экономлю всегда и всюду. Даже абонемент в спортзал никак не куплю. Ленка вот ходит в спортзал.

Мы ведь должны быть в форме. А еще – здоровыми. Если Серега согласится, нужно сгонять в ближайший медцентр и сдать анализы. Обычно, так заключаются сделки. Никаких поблажек по дружбе или клятв вроде: «Зуб даю, я чист».

Нужно иметь все справки свежими и на руках, иначе не видать парных контрактов. У нас в конторе все честно и по правилам, за это и держусь за нее. Регулярно слышу ужасы про заражения у конкурентов, которые набирают девочек чуть ли не с вокзалов.

Брр.

В парке сыро и туманно, бегу уверенно к озеру, чтобы разогнать кровь. Запрещаю себе думать о Соловьеве, который тут как тут в после вчерашнего, как будто у нас действительно что-то было.

Слышу, что следом за мной увязался неизменный поклонник.

У Ленки вот нормальные поклонники, цветы носят, абонемент в спортзал обновляют. А у меня... парковый бегун в вязаной шапочке.

Кажется, у Тофика что-то с головой. С детства. Но Тофик вырос, как и его тело, и мужские инстинкты гонят его вперед. Правда, куда и зачем, Тофик вряд ли понимает.

Он безобидный, этот Тофик с вечной кривой ухмылочкой. Только бежит следом, пялится на мою задницу, а потом сворачивает в кусты, когда терпеть уж нету сил.

Руки он никогда не распускает, хотя летом то еще удовольствие, когда он за девушками по всему парку таскается шаркающей походочкой, как полоумный зомби. Иногда он и в кусты-то спрятаться не успевает, так штаны и приспускает посреди парка... Много раз его забирали, увозили в полицию, но толку. У него и справка имеется.

Этим сырым осенним утром я – основная цель Тофика. Других в парке нет, а кто есть, у тех тела скрыты бесформенными пальто и плащами. На мне же обтягивающие леггинсы и водолазка, конечно, он выбирает меня. Я даже ки-

ваю Тофику и бегу вверх по аллее, мимо пустых детских площадок. Слышу его хриплое «ы-ы-ы» позади. Его сальный взгляд чувствую даже спиной.

Должно быть, Тофик в отличной форме, раз бегают почти наравне со мной почти каждый день.

Врубаю музыку в наушниках на полную и бегу, позволяя туманной мороси освежать горящие щеки. Сегодня проведу два шоу. Одно с рукой, второе с игрушкой. И ни за что не буду думать о Соловьеве.

Стоит подумать о нем, как соски становятся твердыми. Спортивный лиф не скрывает того, как они топорщатся. Редкие собачники-мужчины провожают меня глазами.

Нужно выкинуть его из головы.

Как можно скорее.

Лучше Тофика буду представлять на его месте, тогда смогу нормально провести шоу в заданных временных рамках, а не кончать на первых же порах. Это ужасно непрофессионально. Со мной никогда такого не было.

От мысли, чего этот мужчина может добиться, если коснется меня по-настоящему, спирает дыхание. Пришлось даже остановиться, ведь бегать на задержке дыхания – невозможно. А когда я думаю о Соловьеве, то перестаю дышать. Замираю. Превращаюсь в сплошной оголенный нерв.

Коснись он меня – и я тут же взорвусь.

Слышу, как шуршит в кустах Тофик. Конечно, встала к нему задницей, согнувшись пополам и опершись руками в

колени.

Прощаюсь с Тофиком, который кряхтит и сопит в кустах, и иду домой.

Смс-ка от Сереги приходит, когда стою в душе. Он пишет, что в воскресенье у него свободно и даже имеются справки, только одну надо пересдать.

Быстро соглашаюсь.

Все-таки хорошо, что я не завтракаю. Теперь можно сгонять по-быстрому в медцентр.

Снова одеваюсь и выскакиваю обратно в осень. Золотые краски настойчиво пробиваются сквозь последнюю летнюю зелень. И небо еще такое синее, как бывает только в знойный полдень.

Ладно. Пойду от обратного. Буду думать только о Соловьеве. Надоест же он мне когда-нибудь, верно? И потом если я буду так искренне стонать и кончать, это тоже принесет деньги.

Воспользуюсь его образом в корыстных целях.

А потом ему на смену снова придет Том Харди. Или Данила Козловский. Или Максим Матвеев, звезда «Стиляг». Короче, кто угодно, только не этот хмурый широкоплечий мужчина, не пожелавший даже узнать моего имени.

Заскакиваю в медицинский центр, указываю анализы, для которых хочу сдать кровь. Достаю деньги и паспорт.

Нет. Только деньги.

Потому что паспорта нигде нет.

– Потеряли где-то? – сочувственное спрашивает девушка на регистрации, пока я вытряхиваю содержимое рюкзака на диван в холле.

И с ужасом понимаю, что оставила его в том самом офисе.

Глава 6. Макс

Утро начинается со стояка, который, наконец-то, удастся игнорировать. Это не так сложно, если голова превратилась в колокол, а язык в наждак.

Спасибо, «Джек Дэниелс».

Впрочем, не стоило так самозабвенно допивать бутылку вискаря после онлайн-шоу, как будто это было решением всех проблем. На утро по-прежнему ничего не решилось. Только прибавились адская головная боль и сушняк.

Глотаю двойной эспрессо, собираю недочитанные бумаги и решаю ехать в офис. На такси. Может, хоть в офисе удастся поработать, чего никак не удастся добиться дома.

Дома все мое внимание приковано к телефону. Словно эта девушка может выскочить из него, стоит только потерять экран, как чертову лампу джина.

Я добавил сайт в закладки. Проверил с утра. Это подогревает вожделение.

Кажется, я подсел на нее.

И кажется, я обещал вчера ее найти? Что ж, взглянем правде в глаза. Вчера это звучало красиво и решительно, но это решение не кажется мне таким уж отличным с утра.

Она чертова проститутка, в конце-то концов.

Конечно, я не знаю, спит ли она с клиентами или ублажает себя только в видео-чате, но факт остается фактом – она тор-

гует телом. Демонстрирует то, о чем я мечтал вчера в офисе, каждому желающему, у кого хватит ума зарегистрироваться и у кого достаточный баланс на счету.

Вчера мне, правда, так и не понадобилось вводить номер карты. Она кончила удивительно быстро. Удивительно естественно для той, кем она была и чем занималась.

Я не монах и не ханжа. В моей жизни тоже были женщины, которые отдавались мне за деньги. Не те разведенки с детских дней рождений, которых, боже упаси, назвать проститутками, а самые настоящие продажные женщины, которые знают, сколько стоят и называют эту цену несколько раз за ночь.

Так вот... Они кончали иначе.

Ты никогда не можешь быть уверен в том, что женщине с тобой также хорошо, как громко она стонет под тобой. Ее ум может быть занят школьными проблемами ее детей, а стонать она может для того, чтобы ты быстрее кончил и оставил ее, наконец, в покое.

А эта девушка на экране... Никто не требовал от нее честности.

Но вчера она была честна. Ей доставляли удовольствие ее же ласки, и я что угодно отдал бы за то, чтобы узнать, что же так сильно ее возбудило, а после толкнуло к краю.

Ох, ежики-лягушки, опять я не о том думаю.

В такси аспирин наконец-то подействовал, в висках теперь стучит не так громко. Но от резкого звонка мобильного го-

ловная боль возвращается с лихвой.

– Слушаю!

– Максим Николаевич, прошу меня простить, суббота утро, я понимаю, но тут девушка. Ломится в ваш офис, дыру мне уже в голове проела.

– Какая девушка?

– Вчера, говорит, у вас паспорт забыла на собеседовании.

Я распрямляюсь, как пружина. Собеседование у меня было вчера только одно.

– Без меня в офис никого не впускать. Я уже еду.

– Так а ей что сказать?

– Пусть ждет.

– Он сказал, чтобы вы подождали... – вахтер Леонид Львович говорит в сторону, привычно не нажав отбой у мобильного телефона.

Обычно, я всегда нажимал «отбой» первым. А теперь жадно вслушиваюсь в ее голос. Кажется, даже улыбаюсь.

– Но я не могу ждать, я записана к врачу. Ну, поднимитесь вы сами, раз мне нельзя, там паспорт, должен быть, на столе. Пожалуйста.

– Не могу, деточка.

Леонид Львович хоть и вахтер, но характер у него совсем не вахтерский.

– Максим Николаевич уже в пути. Он скоро приедет.

Жду ее возмущения, но она повторяет шепотом:

– Он едет СЮДА?

– Ну, здесь его офис, так что, вестимо, сюда.

– Пожалуйста, Леонид Львович, я не хочу с ним встречаться. У вас ведь есть ключи, заберите мой паспорт. И никто не узнает, прошу.

Не хочу с ним встречаться? Это что за номер?

Она узнала, стучит в висках. Узнала, что я смотрел за ней.

Чувак, это бред. Она никак не могла узнать, кто именно смотрел за ней. А почему тогда? Чего так испугалась? Что со мной не так?

– Не могу, – отвечает Леонид Львович. – Мне очень жаль, но, если вам нужен паспорт, нужно ждать Максима Николаевича. Хотите чаю?

– Нет, спасибо. Мне еще нужно кровь сдавать натошак.

Правда, что ли, к врачу записана?

А если больна? Рано пошла на панель и занимается теперь этим онлайн, потому что не может обслуживать реальных клиентов?

Ну... Она не выглядит смертельно больной, начнем с этого. Она, впрочем, и на проститутку не тянет. В отношении нее вообще все сложно!

Чертовски сложно и только усложняется с каждой минутой.

Паспорт. Это был бы отличный предлог, но я знаю, что таковым он не является. Это чертова случайность, как и то письмо Геныча о горячих девочках. Так сошлись звезды. И теперь свели нас вместе во второй раз. Все мои попытки дер-

жаться от нее как можно дальше проваливаются одна за другой.

А значит, пора с ней познакомиться.

– Мы на месте, – говорит таксист, и я нажимаю на «отбой», прекращая подслушивать.

Кто не спрятался, я не виноват.

Глава 7. Лера

С замиранием сердца шагаю по пустому холлу его офиса. Теперь остается только ждать. Спрашивается, чего нервничать? Чужой человек ведь, чтобы я там ни придумала, а делов-то на пять минут. Зайти и выйти.

Дурацкий каламбур.

– Ну, вот и он, – говорит седовласый вахтер.

Разворачиваюсь и смотрю, как Соловьев выбирается из такси, а потом взбегают по серым каменным ступеням.

Сегодня он выглядит иначе. Утро субботы, как-никак. С него становится, что и дома не ночевал. Волосы взъерошены, вид хмурый, немного помятый. На нем темные джинсы и такая же темная водолазка под кожаной курткой. Костюма или галстука нет, все-таки выходной.

С каждой секундой, что я смотрю на него, бабочки в моем животе становятся все уверенней. Они порхают в пустом желудке, отчего я только нереальной силой воли не растекаюсь в довольную лужицу прямо там, в холле, под его взглядом.

Как можно быть таким реальным и таким недоступным?

На меня Соловьев смотрит сверху вниз, в нем все-таки под метр девяносто, а во мне только метр семьдесят. На вид ему тридцать с небольшим, тогда как мне двадцать четыре.

Не говоря ни слова, он кивает мне, пока Леонид Львович тараторит без остановки, пересказывая то, что Соловьев и

так узнал во время телефонного разговора.

Соловьев благодарит вахтера и идет к лифтам. Я плетусь следом.

Леонид Львович остается дежурить у входа, и тишина вокруг нас сгущается. Легкая офисная музыка не льется из динамиков. Даже супер бесшумный лифт этим утром гремит неестественно громко, а с ним и мое сердце.

Бух. Бух. Бух.

Настолько громко, что, кажется, если я встану ближе к Соловьеву, он обязательно услышит.

Я никогда не волновалась так сильно даже от того, что десятки мужчин смотрят на то, что я вытворяю перед камерой. А этот мужчина просто позволяет зайти мне в лифт первой, и у меня уже сбивается дыхание.

Он входит следом и, кажется, заполняет собой весь лифт. Еще один дурацкий каламбур.

Я вжимаюсь в противоположную стенку, чтобы не коснуться его даже ненароком, иначе не выдержу. Не захочу отпустить. Сожму пальцы на его бицепсах, проведу пальцем по груди, чтобы понять действительно ли она такая же твердая на ощупь, как кажется?

Он стоит спиной, не оборачивается, ни о чем не спрашивает. С таким же успехом он мог ехать в лифте один. Я для него пустое место. Мало того, что вчера достала, так и сегодня решила добить.

От нечего делать разглядываю его задницу, и понимаю,

что это огромная ошибка. Еще одна в череде многих других. В эту задницу так и хочется вонзиться ногтями.

Вдруг он оборачивается и смотрит на меня, вскинув одну бровь.

Понимаю, что лифт уже остановился. И Соловьев просто ждет, чтобы я вышла первой. Чертов джентльмен.

Проскальзываю мимо, поражаясь тому, какой махиной он кажется рядом со мной. И как же сильно возбуждает эта беззащитность, и то, каким сильным он выглядит рядом.

Иду к его офису первой, по-прежнему молча. Может, хоть за умную сойду. Только молчанием и удастся скрыть весь тот разброд и шатание, которые творятся со мной.

Моя задача: схватить паспорт и убежать. Не представлять ничего. На столах и стульях – и стоя, и сидя, и на коленях.

От одной только задницы впечатлений хватит на полгода вперед. А я-то надеялась, что удастся забыть раньше.

Соберись, Лера. Сначала паспорт, потом справки и Серега. Может быть, хотя бы поможет скинуть напряжение. Может быть, я просто давно не была с мужчиной. Только игрушки и пальцы. Вот возбуждение и скопилось в каком-то нереальном количестве.

Последний парень у меня был... кажется, в августе? Случайная связь недели на две. А потом было не до того. Это не Соловьев виноват, это просто мои тараканы.

У дверей его офиса отхожу в сторону. Соловьев достает ключи, распахивает дверь и снова пропускает меня вперед.

– Значит, паспорт? – наконец, произносит он.

Лучше бы молчал.

Хриплый, как спросонья, голос. Таким произносят: «Хочу тебя сейчас». По спине сразу бегут мурашки.

Киваю.

– Да... Должен быть тут.

– Ну, иди. Ищи, – он делает широкий жест рукой.

И я понимаю, что он вдруг перешел на «ты».

Это почему-то царапает нехорошим предчувствием, но я не могу здраво оценивать все свои ощущения, которые во мне вызывает этот мужчина. Так что решаю не заикливаться и просто сосредоточиться на поисках паспорта.

На столешнице его не вижу. Разглядываю бумаги, папки, отчеты, не разобрannую почту. Всего этого вчера тут не было. Поднимаю глаза на Соловьева.

– Вчера вечером оставил, – говорит Соловьев, читая мои мысли. – Сегодня хотел разобрать. Если будет время.

Он не сел за свой стол, так и остался стоять почти на пороге. Слишком близко ко мне, но при этом никак не помогает мне в поисках.

В кабинете мы одни. Как и на этаже. Ни голосов, ни звонков, ни другого рабочего шума, пока мы шли по коридору. Дверь закрыта.

Понимаю, что, увлекшись рассуждениями, просто пере-
кладываю кипу бумаг с места на места. Так я буду паспорт
искать до второго пришествия. Нельзя оставаться и дальше,

просто вдыхая его аромат духов, кожи и легкого перегара, забитого мятой. Ага. Ночка у него выдалась бурной.

В отличие от моей. Кончила на радость халявным подписчикам и баюшки.

Так. Сортирую письма и папки, освобождая стол. Быстро, сосредотачиваясь только на деле, как на самом приоритетном сейчас, а Соловьева в постели представлять буду потом. Хотела бы сказать, что не буду. Но буду. Поэтому потом.

Вот когда буду стоять перед Сержем, тогда и буду. А если не найду сейчас паспорт, то оплату за клинику придется задержать. И тогда стоять на четвереньках придется не только перед Сержем.

А ведь хотела завязать. И однажды почти удалось, тогда у бабушки как раз наступила ремиссия, ничего не предвещало ухудшений. Губу и раскатала. Думала, заживу, как человек. Даже в универ, может быть, вернусь. В официантки устроюсь, в конце-то концов. Или, чем черт не шутит, по специальности...

Все накрылось медным тазом. А теперь еще и парные шоу нарисовались от безнадёги.

Эти мысли дают нужный пинок. И придают силы работать быстрее и внимательнее смотреть по сторонам. Я, наконец, забываю обо всем. Иногда, правда, роняю бумаги, другие – сами падают, слишком много всего навалено на столе.

Так, рекламу выбрасываю сразу, для этого вытащила из-под стола мусорную корзину. Пухлые нумерованные папки

складываю башней на офисном стуле.

Мечты, мечты, где ваша сладость... Никогда не быть мне рядом с таким мужчиной. Хотя я усиленно скрывала свое трудоустройство от всего остального мира, прибегала к парикам, маскам, макияжу «Выври глаз», наверное, мне все равно не удастся стать той, кем я не являюсь. Какой-то другой, чистой недоступной девушкой. Я всовываю в себя резиновые вибраторы разных размеров и оглушительно стону при этом. И ладно бы я делала это ради собственного удовольствия, так ведь я делаю это на камеру.

Я знаю, какому миру принадлежу и откуда родом Соловьев. Я могла очутиться в этом офисе во второй раз только из-за дурацкой оплошности, а чтобы приходить сюда каждый день, цокать каблуками по коридору? Нет. Я птица не того полета.

На миг я вспомнила себя в той другой жизни. Жизнь, которая у меня могла бы быть, если бы... не обстоятельства.

Руку начинают дрожать. Нельзя предаваться воспоминаниям. Та моя, другая жизнь, совсем не походила на сказку, но спустя годы, даже самое ужасно все равно забывается. К сожалению.

Папка падает из моих рук, и бумаги веером разлетаются по полу. Наклоняюсь за ней и замечаю что-то под столом. Выгибаюсь, чтобы дотянуться, но только скребу пальцами ворс ковролина.

Тянусь еще сильнее и, наконец, цепляю и вытягиваю на

божий свет паспорт.

Встаю в полный рост, поворачиваюсь к Соловьеву с походкой в руках.

И не вижу его самого. Потому что все мое внимание приковывает к себе его стояк, который невозможно скрыть в таких узких джинсах.

Запоздало понимаю, что только стояла только что перед ним на коленях, кверху задницей. Как и перед Тофиком этим утром. Только парковый умалишенный был не так опасен, как этот мужчина передо мной.

Воздух стал густым и плотным, как холодное море. Сердце рухнуло в пятки, откуда не подает признаков жизни.

Медленно отвожу взгляд от его члена и облизываю пересохшие губы.

– Ох, черт, – выдыхает Соловьев сквозь зубы.

Делает всего шаг и таранит поцелуем мои губы.

Соловьев целует меня так, как будто встречал на вокзале, в аэропорту или еще черти где, откуда возвращаются спустя годы. Он целуется жарко, с напором, совсем не считаясь со мной.

К тому же я стою перед ним как, музейная статуя, окаменев от шока.

Но в миг, когда его язык раздвигает мои губы и врывается в рот, те самые бабочки в животе начинают взрываться одна за другой. Он двигает языком так, словно он уже во мне, и я стону от одних только поцелуев.

Паспорт снова падает на пол.

Я обхватываю его плечи, и заклепки на куртке царапают кожу. Стягиваю ее с него, не прерывая поцелуя и, как балерина, при этом балансирую на носочках, пока его язык переплетается с моим.

Соловьев тянется к моей короткой ветровке. Срывает одним движением, и пока я вожусь с его курткой, его руки уже хозяйничают под моей футболкой.

Буквально висну у него на шее, когда он, бесцеремонно задрав мой лиф, сжимает одной рукой грудь.

Повиснув на нем, стону громче. Прямо ему на ухо. И он тут же толкается мне навстречу бедрами.

Соловьев на миг отпускает меня, чтобы одним движением снести со стола всю мою работу на пол. Документы еще тихо кружат в воздухе, оседая на пол, когда он подхватывает меня за талию и садит на освободившуюся столешницу.

Обхватываю его бедрами и немедленно расстегиваю тугую пуговицу на его джинсах. Не могу ждать. Пусть окажется никудышным любовником, чтобы я смогла, наконец, выбросить его из головы. Такое ведь тоже может быть?

Когда с пуговицей покончено, аккуратно веду молнию вниз. Одно неловкое движение – и секса сегодня не будет.

Для этого требуется концентрация, но ее-то у меня как раз и нет. А еще я не вижу того, что делаю, полагаясь на ощущения. Соловьев задрал мою футболку и его рот оставляет обжигающие поцелуи на моей груди.

Глажу его через белье, чувствуя ладонью жар. Однажды коснувшись, теперь не могу даже думать о том, чтобы убрать с него руку. Вожу пальцами по всей длине и наслаждаюсь, отодвигаю резинку белья и касаюсь рукой. Кожа к коже.

Соловьев ощутимо кусает меня, а потом возвращается к моим губам и шепчет:

– Сильнее.

На мне все еще полно одежды. Пытаюсь помочь ему раздеть себя, но он хватает меня за кисть и возвращает пальцы туда, где они нужнее.

– Я справлюсь.

Расстегивает мои джинсы и стягивает только одну штанину. Вторая остается болтаться на бедрах. Трусики тоже все еще на мне. Как и футболка, которую Соловьев просто закнул за приподнятый бюстгальтер.

Сначала он только водит пальцем по кружеву и, наверное, ему нравится то, какая я уже мокрая. Не сразу, но все-таки отводит белье в сторону, и проводит пальцем сверху вниз, после медленно погружая его в меня.

– Ты ведь правда меня хочешь? – почему-то спрашивает он.

Вместо ответа сильнее двигаю собственной рукой, но, похоже, для Соловьева это не ответ.

Смотрю в его потемневшие глаза.

– Хочу. Как зашла вчера, так и представила, как ты делаешь это со мной. На этом самом столе.

Он вдруг убирает руку и облизывает собственный палец, глядя мне в глаза.

– Как интересно... – тянет он.

Беру его руку, как он недавно мою, и возвращаю туда, где ей самое место. При этом не прерываю зрительного контакта.

Он только смотрит.

Раз так, тоже прерываю ласку, касаюсь его ладони сверху и начинаю двигать ею, лаская саму себя. Его же рукой. Кусаю губы, чтобы не кричать. Ерзаю на столе, но Соловьев по-прежнему ничего не делает. Только смотрит.

Пусть, если ему так хочется.

Левой рукой обхватываю его за шею, заставляя нагнуться, и впиваюсь в губы. А правой рукой так и вожу его пальцами.

Быстрее, быстрее.

Выгибаюсь и кусаю его за губу. Шире развожу ноги. И наконец-то взрываюсь.

Обхватываю его бедра коленями, пока переживаю одну волну дрожи за другой. Любое его прикосновение отзывается новым спазмом. Но я уже чувствую, что одного оргазма мало. Тело обманули. Нельзя считать, что Соловьев подарил мне оргазм, это я быстро и гарантировано сделала себе хорошо.

И опять слишком быстро.

Оргазм тухнет, и меня накрывает неудовлетворением и просто дикой жадой секса. Теперь-то уж я точно готова к большему.

Рука Соловьева наконец-то оживает, он вводит сразу два пальца. И мое тело тут же откликается. Но вместо того, чтобы продолжить, он вдруг забирает руку, делает шаг назад и говорит:

– На колени.

Глава 8. Макс

Пока она сортировала бумаги, я глаз от нее отвести не мог. На минуту даже представил, как она будет работать здесь.

Пока она стояла на полу, собирая бумаги, я чуть не сказал ей, что она принята на работу и можно приступить с понедельника.

И все-таки я совершил ошибку, когда шагнул к ней и стал целовать.

Она неправдоподобно мокрая.

Из-за этого я не верю ни единому ее слову.

Этому нужно положить конец.

Она слишком отзывчивая для проститутки, слишком мокрая для меня. Я хочу в это верить, но так ли это?

Если бы я не видел, как она ласкает себя своими же пальцами вчера вечером, то сегодня был бы на седьмом небе от счастья. Я бы уже истратил весь запас презервативов, какой только имеется в офисе. А потом повез бы ее домой, запер в своей спальне на все выходные, чтобы в понедельник мы оба потом не могли ходить.

Но я видел вчера, как она стягивала свои трусики по приказу неизвестных мужиков в онлайн-чате.

И то, как теперь управляет моими пальцами, очень похоже на то, что она делала вчера. И стонет она так самозабвенно, как будто отдается самому любимому мужчине в жизни.

Вчера она стонала также.

Она пытается убедить меня, что думала обо мне, что с самой первой встречи хотела меня на этом столе. Серьезно? И я должен поверить в это? Если бы это было так, я бы не заперся в туалете ресторана, пока за дверью бесновались Бэтмен и Человек-Паук.

Она фальшива «от» и «до».

Может быть, и паспорт она забыла здесь неслучайно. Если уж были у нее такие желания, в которых она созналась.

А почему нет? Шансов стать моим секретарем у нее нет. Значит, остается только шанс стать любовницей. Отдаться на столе в офисе? Лучшая возможность вскружить голову мужчине, а потом отдавать тело в обмен на подарки.

Такая будет сосать в пробке и отдаваться между совещаниями по щелчку пальцев.

Но мне такая не нужна.

Я боялся сломать ее и потом вышвырнуть из своей жизни. Но прикоснуться к ней теперь, значит, впускать в жизнь мерзость и продажную любовь.

Нет, детка. Ты наркотик. Это ясно с самого начала. И я не дам развиваться этой зависимости.

В этой мысли есть огромная доля сожаления, горечи и яда. Я уже пригрел в офисе ту, которой нужен был не я, а тот, кто готов платить за ее любовь. Я учусь на своих ошибках. Дважды не попадусь.

И все же я ввожу в нее сразу два пальца, и чувствую, какая

она узкая, тугая, хотя и мокрая.

Но это ничего не доказывает.

По ее косе, рваным джинсам и пухлым губам ни в жизни не догадаешься, чем она зарабатывает на жизнь. Видимо, просто недавно в этой каше варится.

И я могу дать ей работу и открыть двери в другую жизнь. В таком случае мне остается только надеяться, что торговля телом выветрится из ее головы. И что она не станет для меня второй Мариной.

Слишком хрупкие надежды, похожие на самообман.

Поэтому я говорю ей:

– На колени.

И с сожалением вижу, как расширяются ее серые глаза. Как в них вспыхивает обида, непонимание, десятки вопросов, которые она не произносит. А покорно спускается вниз со стола, так и оставаясь в одной штанине. Вторая тянется следом.

Она пытается опустить футболку и лифчик, но я перехватываю ее руки.

– Оставь, как есть.

Она тяжело дышит. То ли еще от оргазма, то ли от ярости. На щеках румянец.

Сидит на пятках, смотрит на меня снизу вверх. Покорности во взгляде – ноль целых, ноль десятых. Ее бы поднять, уложить животом на стол и...

Вместо этого приспускаю боксеры.

– Хочу твой рот.

Теперь ее черед смотреть на меня. А я бы все отдал, чтобы узнать ее мысли.

Если она пришла сюда, чтобы переспать со мной, то такой сценарий вполне вписывается в картину ее мира. Лучший путь к сердцу мужчины. Или его кошельку.

Она переводит взгляд ниже. Давай же, детка. Сделай так, чтобы я мог тебя возненавидеть. Ты так умело работала рукой. Покажи себя во всей красе.

Она глубоко вдыхает... и рывком поднимается на ноги.

Она не стоит вровень со мной, в ней куда меньше сантиметров, но сейчас она кажется даже выше, чем есть на самом деле. Она расправляет плечи, возвращает на место лифчик, поправляя по очереди то одну, то вторую грудь.

Ее груди мне теперь не видать. Это ясно, как день.

Не сводя с меня взгляда, расправляет мятую футболку. Нагибается и натягивает вторую штанину. Заправляет футболку и застегивает пуговицу.

И говорит:

– Нет.

Подхватывает рюкзак, ветровку, паспорт с пола и уходит.

А я остаюсь стоять со спущенными боксерами, а на языке все еще чувствую ее вкус, слизанный с пальца.

Глава 9. Лера

Я не делаю минеты.

Это не прихоть и не брезгливость. Это то, что я вынесла из детства.

Вы скажите, хреновое, поди, было детство. И будете правы.

Когда твой ближайший родственник пихает тебе в рот все не карамельку, пока ты играешь с куклой, это действительно уже мало похоже на детство. Но еще хуже, когда ты все-таки начинаешь рассказывать об этом, давясь слезами и соплями, перебарывая заикание, а тебе не верят и называют «маленькой лгуньей».

Защиты нет. И однажды все повторяется. Только теперь даже жаловаться бесполезно.

Наверное, я одна из тех, кого, как у классика, «среда заела».

Что ж, я уже рассказывала, что не сразу пришла к этой профессии. И еще долго продержалась, но не срослось.

Бабушка – единственная, кто поверила мне. Она докопалась до сути, не стала сомневаться ни минуты и забрала меня к себе. С тех пор я не видела никого из членов моей семьи.

Похоже, хреновые каламбуры – мой конек.

Бабушка выходила меня, и благодаря ее стараниям, я не осталась зайкой на всю жизнь. Поэтому бабушке я должна

помочь, чего бы мне это не стоило.

С годами многое проходит. И я была с парнями, и пусть без глубокой глотки, но они довольствовались моими пальцами. Я не распространялась и не жаловалась, потому что это не то, что парень хочет услышать от девушки, когда оба уже в постели.

Меня не пугает секс или голый мужчина, если только ничего из этого не переходит в ультимативно-доминирующую форму. Я не могла уйти от этой грязи в детстве, но теперь я – взрослая и вижу грань между страстью и унижением. И даже если мой партнер, как и Соловьев, красив, успешен и с достоинством идеального размера, моим ответом будет – нет.

Возможно, он просто властный мудака, который привык самоутверждаться за счет женщин. Я ведь ничего о нем не знаю. Только то, что готова спать с ним, как заведенная.

Поправочка. *Была* готова. Теперь я поумерила свой пыл. Самое время спуститься с небес на землю, решаю я, пока жду своей очереди в медцентре.

После клиники покупаю горячий пирожок в ближайшей кофейне и снова пью кофе. Последние лучи осеннего солнца золотят макушки деревьев. Не хочется возвращаться домой так рано. Сегодня на мне два шоу с разницей в полтора часа. Поэтому беру еще один пирожок, который жую на остановке, ожидая автобуса. Через час он доставляет меня на окраину города, где сразу за заброшенными заводами, за облупленным забором замер кленовый сад и дом для престарелых.

У меня еще есть час, выделенный для посещений, хотя моей бабушке все равно, когда я приезжаю. Она не узнаёт меня, но я буду к ней ездить, потому что помню, что она сделала для меня.

В старом купеческом доме тишина. Здесь как будто все вымерли, хотя в каждой палате по несколько человек. Меня встречает заспанная сиделка и вместе мы одеваем бабушку и усаживаем в инвалидное кресло. Санитарка раскрывает для меня вторую створку двери с душераздирающим скрипом, и я выкатываю коляску к каменному пандусу, а оттуда через двор к багряному саду, шелестящему листьями.

Я всегда говорю с бабушкой. Привыкла, даже без ответов и реакций с ее стороны.

Тихо катится коляска по мощеной дорожке между кленами. Щебечут какие-то птицы, прощаясь перед зимой.

– Знаешь, бабуль, я почему-то не верю в то, кем этот Соловьев пытался быть. Как будто какой-то рубильник опустили. Так не бывает... А я не хочу, но все равно чувствую: он другой. Ты, бабуль, говорила, что я мечтательница. И рассказывала о том, как много лет спустя, люди будут жить в необычных домах моей проектировки. Домах будущего, которые выдумают такие молодые мечтатели, как я. Другие девочки и мальчики... Другие, может, чего и добились, а я – нет. Моих мечтаний хватает только на то, чтобы придумать оправдания всяким извращениям. Это да, это у меня великолепно получается... Прости меня, бабуль, что не оправ-

дала твоих надежд...

Сворачиваю к каменному мостику, перекинутому через ручей. Затянутая мхом кладка растрескалась и крошится, по нему лучше не ходить и не ездить. Возле мостика я, обычно, разворачивала коляску и везла бабушку обратно.

А теперь у мостика на дорожке не протолкнуться. Два мужчины в спецовках вкапывают в землю по обе стороны от моста железные штыри, рядом валяется ярко-желтая лента с черной надписью: «Опасно! Проход воспрещен».

А прямо перед ними и спиной ко мне стоят Зинаида Семеновна и рядом... Максим Соловьев. В той же куртке из черной кожи с молниями на плечах, что и утром. Он кивает, пока слушает возмущение Зинаиды Семеновны. Отдаленно вспоминаю слова директрисы о тендере на реконструкцию и о том, что так к Соловьеву я и попала.

Коляску невозможно развернуть быстро. Поэтому качу ее назад, чтобы скрыться, но Зинаида стоит вполоборота и она-то меня и замечает.

При виде меня прямо вижу, как загорается в ее глазах идея «сосватать» бедняжку к Соловьеву на работу.

– Валерия! – кричит она. – Вас судьба мне послала, не иначе!

Я другого мнения.

– Здравствуйте Зинаида Семеновна, – отвечаю неразличимым шепотом.

Остаюсь на расстоянии от них, начинаю разворачивать

коляску, но тут оборачивается и Соловьев. Мельком, через плечо, но как только видит меня, то поворачивается всем телом.

Выражения его лица при этом не вижу. Потому что стараюсь на него вообще не смотреть. Все мое внимание сосредоточено на том, чтобы как можно быстрее смыться отсюда.

А Зинаиду уже не остановить:

– Простите, Максим Николаевич, что невольно подслушала о ваших сложностях с выбором секретаря в нашу прошлую встречу! Вы, случаем, еще никого не взяли на эту должность?

– Нет, – сухо отвечает Соловьев.

– Валерия, подойти ближе! – говорит Зинаида. – Примите за личную рекомендацию. Вот самоотверженная девушка, которая делает все ради своей бабушки. Таких работающих, как она, днем с огнем не сыскать. Может быть, у нее и нет достаточного опыта, но мы все с чего-то начинали, верно?

– Валерия уже была у меня, – отвечает, кашлянув, Соловьев.

Кажется, он впервые произнес мое имя?

– Правда? – радуется Зинаида. – Это я дала ей ваши контакты. И каковы результаты собеседования?

Тут уж я не выдерживаю, поднимаю глаза. Давай, Соловьев, расскажи ей об итогах: отказалась отсосать и кончила на офисном столе.

– Честно говоря, не знаю. Вы же понимаете, отделу кад-

ров нужно время, чтобы обработать анкеты... — и глазом не моргнув, врет Соловьев.

— Ой, ну вы уж поторопите их! Прекрасная молодая девушка! Я работаю с людьми и такого насмотрелась... Очень хочется помочь, чтобы у нее все было хорошо и ей не пришлось... Ну, знаете, делать такие вещи, о которых она бы потом пожалела.

— Поздно, — вдруг отвечает Соловьев.

— Что?

Я столбенею.

— Поздно, говорю, темнеет. Мои ребята закончили, а у вас тут света в парке нет...

— Ой, сколько я просила электрифицировать наш парк! А от губернатора пришел ответ, что даже городские парки освещены через один, чего уж говорить о нашем, где почти никто и не гуляет. А вы сильно спешите, Максим Николаевич?

— Не очень.

— Помогите тогда Лерочке, коляска тяжелая...

— Да я сама!

Я наваливаюсь на ручки. Бабушка весит точно пушинка, а вот сама коляска древняя, неповоротливая.

Зинаида тепло смеется.

— Видите, я же говорю, замечательная девушка. Вы подумайте.

— Подумаю.

Зинаида запахивает пальто, прощается со мной и бодро бежит вперед по тропинке. Следом за ней идут рабочие. Я стою, вцепившись в коляску, но никуда не еду.

Соловьев подходит ближе.

– Дай лучше я.

Могла бы, убежала бы. Но только киваю, отхожу на шаг в сторону и иду вровень с коляской, которую он толкает перед собой.

Идем молча. Он ведь не знает, что бабушка почти не осознает реальности. Облегчать ему ситуацию не собираюсь.

– Валерия, значит... – говорит он. – Вот и познакомились.

Смотрю на него искоса. Заявление мое, значит, даже не читал. И все это время моего имени и не знал? Даже когда сказал, что хочет мой рот? Шикарно.

Что ж, как узнал, так и забудет.

– Валерия...

Мое сердце пропускает удар. Я хватаюсь за коляску, но получается, что накрываю руку Соловьева своей.

Велю ему остановиться, обхожу коляску и опускаюсь перед бабушкой на колени.

– Валерия... – повторяет эта седая изможденная болезнью женщина. – Так зовут мою внучку.

Свет в ее глазах горит еще секунду-две, а потом меркнет, как хвост кометы в темном небе. Ясность во взгляде исчезает. Уголки губ опускаются.

Эти вспышки пробуждения сознания стали такими ред-

кими. И все-таки она меня все еще помнит.

Зинаида говорила, что это лекарства дают результат. А значит, я достану деньги. Разве не плевать, каким образом? Даже секунда стоит каждой заработанной копейки.

Глава 10. Макс

Я только собрал все документы с пола и привел в какой-никакой, но порядок, как позвонила директриса с тендерного объекта и, едва ни плача, сказала, что у нее в клинике мост едва не обрушился под одним из пациентов и только чудо, что никто не пострадал.

Я видел этот мост в прошлый визит. Проще снести и построить новый, сохраняя прежний стиль, чем привести этот в порядок. Обеспокоенность Зинаиды Степановны также можно понять, однако это, по-большому счету, не мои заботы. Тендер мы еще не выиграли, только подали заявку. В любой другой день я бы отказал директрисе, но не сегодня. После того, как девушка сбежала, я и без того ощущал себя ничтожным дерьмом.

Поэтому согласился помочь Зинаиде. Решил, что может быть, зачтется в счет других мудачьих поступков. Вызвал бригаду и поехал.

Я и предугадать не мог, что встречу свою сбежавшую и несостоявшуюся секретаршу здесь. В этой юдоли скорби, где государство всячески способствует обреченным как можно скорее увидеть свет в конце туннеля.

Если бы к этому мигу мы не были бы знакомы, то она перевернула бы мой мир с ног на голову прямо сейчас.

Я думал, что больше никогда ее не увижу. И вот опять.

Худая угловатая фигура в узких рваных джинсах, все в той же ветровке, растрепанная коса на плече. В глазах стоят не пролившиеся слезы. А перед ней инвалидная коляска с усохшей женщиной с пергаментной кожей.

Защитить и сделать своей. Это была однозначная и мгновенная реакция на нее. Узнать о ней всю правду тоже не мешало бы. Еще одна подработка?

Какими квадратными глазами она на меня смотрела, стоя на аллее. Такая смелая в офисе, когда поднялась с колен, и такая испуганная сейчас. Глядя на нее, хотелось вымыть рот с мылом после всего, что я сказал ей этим утром.

Валерия. Так ее зовут.

И с ее появлением в моей жизни, мир сужается до нее одной.

А Зинаида, как заметила ее, сразу запела соловьем:

– ...самоотверженная девушка, которая делает все ради своей бабушки. Таких работающих, как она, днем с огнем не сыщешь.

Значит, не подработка. А уход за родственницей.

И тут до меня доходит, что директриса и знать не знает, откуда Валерия берет деньги. На что идет ради бабушки. И как именно проявляется ее работоспособность.

– Очень хочется помочь, чтобы у нее все было хорошо и ей не пришлось... Ну делать такие вещи, о которых она бы потом пожалела.

– Поздно, – не сдержался я. Но потом выкрутился.

Еще утром я считал ее лживой проституткой. А сейчас снова вижу ее такой, как в первый вечер, когда она явилась в офис по рекомендации этой самой Зинаиды.

Я не хотел делать ей больно, а в итоге – так и поступил. Знал же, что лучше держаться от нее подальше.

Лера не знает, что я знаю, как она проводит вечера. Но после моего «поздно» непонимающе приподнимает одну бровь. Штирлиц еще никогда не был так близок к провалу.

Одновременно с этим я вспоминаю ее слова, и если она работает только для того, чтобы содержать в клинике бабушку, то значит, может быть...

Может быть, она действительно хотела меня.

Просто так.

Разве это иррациональное желание не может быть обоюдным? Мне сносит крышу от одного ее вида. Хочется целовать, вымаливая прощение, и любить ее всю ночь, чтобы, наконец, обладать ею.

– Видите, я же говорю, замечательная девушка. Вы подумайте.

– Подумаю, – обещаю я.

Хотя думать уже не о чем. Все решено. Я в ее глазах редкостный мудака и сам сделал все, чтобы так оно и было.

И все-таки только я могу ей помочь. Ведь ей действительно нужна нормальная работа.

Зинаида прощается, и следом уходят мои парни. Они займутся мостом в понедельник за счет фирмы, а если тендер

выиграем, то просто внесем траты в список. Если нет... Ну, значит, нет.

– Давай лучше я.

Я повел коляску сам. Невозможно смотреть, как она пыталась оттащить ее. Хочется сказать о многом, но не сейчас, когда между нами седая бабушка в кресле.

Удивительно, но все это время я не знал ее имени. Нарочно рвал все связующие нити. А она все равно оказывается рядом. Смотрю на ее профиль, пока она старательно отводит глаза.

– Валерия, значит... Вот и познакомились.

После всего.

Она косится на меня и моментально понимает, что заявление я в глаза не видел после того, как она его написала. Да, Лера, я его уничтожил в шрежере, чтобы держаться от тебя подальше, но ты ворвалась в мою жизнь сутки назад и, кажется, теперь все вертится вокруг тебя.

Она вдруг хватается за мою руку, у нее ледяные пальцы. Хочется спросить, есть ли у Леры вообще теплое пальто, потому что ветровку не носят, когда по вечерам изо рта уже валит пар.

Она обегает коляску и опускается перед бабушкой на колени. Прямо рваными коленками на холодную землю.

– Валерия... – едва слышно шелестит женщина.

В глазах Леры стоят слезы. Она боится моргнуть, чтобы это наваждение не исчезло.

– Так зовут мою внучку, – произносит женщина, мечтательно глядя вдаль, и Лера все-таки моргает.

По щекам бегут слезы.

Старушка замолкает, а Лера так и сидит, замерев перед ней, ждет, что бабушка вспомнит ее. Или скажет что-нибудь еще.

Я оставляю коляску и подхожу к ней, поднимаю с колен. Она дрожит, цепляясь за меня.

Вожу рукой по голове, плечам и спине. Сейчас в этих жестах нет вождения и страсти. Мне стыдно. За то, что другие женщины привили привычку, что все покупается и продается.

Теперь я, черт возьми, действительно хочу ее спасти. Хочу помочь.

Она трет тыльной стороной ладони глаза и отстраняется.

Вечерний тусклый полумрак делает ее кожу бледно-восковой. Глядя на меня, она вновь закусывает губу. Пытается отвести взгляд, но я наклоняюсь и целую ее.

Она замирает. Самое время оттолкнуть, послать или наорать. Но Лера отвечает на поцелуй, обхватив меня за шею обеими руками. Она смешно балансирует на цыпочках, ее тело под моими руками вытягивается в струну.

Мы целуемся какое-то время, а потом, так и не говоря ни слова, я снова берусь за коляску.

Когда мы добираемся до пандуса, уже темно. Горит только фонарь над входом.

Бабушку забирает санитарка, говорит Лере, что та может идти, но упрямица Лера уходит вместе с ней. Не знаю, пытается ли она так сбежать от меня или просто хочет остаться рядом с бабушкой, надеясь, что сегодня она все-таки вспомнит, что эта девушка и есть ее внучка.

Лера все-таки появляется спустя какое-то время. Мнется на пороге, глядя на меня. Не ожидала, что я останусь и дождусь ее?

– Ты как добираться сюда?

– На автобусе. Тут недалеко.

Ага. Какой-то час времени впотьмах по городским окраинам.

– Идем, я подвезу.

По-прежнему избегает смотреть на меня. Кивает и идет рядом бесшумно, как будто и не ступает по земле.

Да, все сложно, но мы разберемся. Или нет?

Беру ее за руку, переплетая пальцы. Когда я в последний раз вел кого-то за руку? Так и не вспомнить.

– Ты замерзла, – говорю.

– Немного.

Довожу ее до машины, открываю перед ней дверь. Она стоит. Не садится.

– Не думаю, что это хорошая идея, – говорит она.

– Я не буду распускать руки. Но нам нужно поговорить, как думаешь?

– О чем?

– О твоей работе.

Она бледнеет. Это видно даже при слабом свете единственного фонаря, под которым стоит машина.

– Как ты узнал?... – шепчет она.

– Случайно так вышло.

– И ты... видел?

Она отступает на шаг назад от машины. Еще немного и убежит в ночь, как лиса в свете фар.

Хватаю ее за руку, притягиваю к себе. Держу крепко.

– Видел.

Она вздрагивает, как будто я ее ударил.

– Вот почему... Ты так вел себя со мной.

Это даже не вопрос.

Да, поэтому я окунул тебя в грязь и вывалял. Думал, ты к ней привыкла.

– Прости за это.

– Ты не должен... я ведь...

Не смогла договорить. А что хотела – «я ведь...» Кто? Шлюха?

– Нет, я должен перед тобой извиниться. Ты – это ты. Чертовски сложная, неоднозначная, непредсказуемая женщина, которую я очень хочу с нашей первой встречи. И я прошу у тебя прощения.

Лера шумно выдыхает. Чувствую, как ее холодные пальцы пробираются ко мне под куртку.

– Где же ты был такой этим утром... – шепчет она.

– Разве нет пути назад?

– Не знаю... Просто... – она сглатывает и поднимает глаза. – Мне надо работать этим вечером, понимаешь?

Глава 11. Лера

Соловьеву потребовалось несколько секунд, чтобы осмыслить эту фразу. «Мне надо работать».

Как бы звучал ответ при нормальном положении вещей? «Встретимся после работы?» и никаких проблем. В моем случае все сложнее. Он сам сказал. И я знаю, что все действительно чертовски сложно. Это не та профессия, которую можно уважать.

Есть большая разница между «Прости, сегодня не могу, мне надо писать диплом этим вечером» или «Вообще-то я должна сегодня поработать с вибратором на камеру. И лучше успеть сделать это дважды».

Он знал, кто я и обращался со мной в офисе утром так же, как мужчины обычно относятся к женщинам, торгующим своим телом. Не знаю, как узнал. Даже думать не хочу, хотя это и глупо. Все тайное становится явным, так учили в детстве рассказы Драгунского, и это действительно так.

Казалось, я успешно разделяю два мира – один онлайн, в котором я – голая искуссительница. И другой – оффлайн, обычная студентка, в одежде и без вибратора в руке.

Он видел, как я делаю это. Не знаю, какую из сессий, но это ведь не то, о чем можно просто так спросить, эй, как тебе мои новые анальные шарики? Иногда я удивляла подписчиков. Не зря я продержалась столько лет в первых позициях

чата. У меня не было выбора, но понимает ли это Соловьев?

Вообще не представляю, как говорить об этом открыто. Я ни с кем еще не говорила. Ленка работает в том же чате, она не в счет. Никто не знал о моей тайной ночной жизни. Не знаю, какой вообще нормальный парень готов смириться с этим.

Хотя... Наверное, ничего серьезного у нас и не будет. Не с такой профессией.

Только секс на одну ночь. Хороший, наверное, секс, но все же.

Я могла бы взять отгул на сегодня. Такое не поощряется, но всякое бывает, можно списать на технические неполадки, в конце-то концов. Выйти в сеть позже... Или отработать двойную смену после.

Я бы попросила Ленку заменить меня на одной из сессий, если бы Соловьев не знал правды. Тогда бы я врала направо, как делала это с тем парнем в августе, но не продержалась и две недели. Да и секс с ним был не тем, ради чего стоило терять деньги так часто.

Соловьеву врать бесполезно. Он знает, кем я работаю. И должен понимать, что даже после ночи с ним для меня ничего не изменится.

У него хорошая выдержка.

– Тебе надо работать, – только и повторяет он за мной, обдумывая каждое слово.

Чувствую, как он отстраняется. Вижу, как хмурится.

– Лера, я должен кое-что спросить, ладно?

Киваю.

– Ты всегда работаешь одна?

– Да.

И это честный ответ, по крайней мере, я так думаю. Пока не вспоминаю о справках и договоре с Серегой на воскресенье вечер. Ладно, сегодня суббота. Решаем проблемы по мере их возникновения.

– Только ты и твои пальцы?

– Иногда вибратор, иногда – два.

Соловьев нервно сглатывает.

– ... Но всегда одна, – быстро заканчиваю фразу.

Он упирается одной рукой в капот, а второй ерошит собственные волосы.

– И ты не можешь сегодня пропустить? Никак?

– Могу, но я потеряю деньги. А они мне нужны.

Я хочу быть с ним честной. Теперь. Раз уж он и так знает правду. Не только про меня, но и про бабушку.

– У тебя были парни, которые знали... что ты делаешь?

– Нет.

Разговор дается ему с трудом, но ничего с этим не поделать. Не знаю, как об этом говорить иначе.

– Послушай, то, что я видел... Все это очень быстро закончилось.

Теперь ясно, когда он смотрел на меня. Мой единственный фиаско, по закону подлости сразу после нашей встречи.

– Да, вчера это было очень быстро, – киваю. Не уверена, но, кажется, у меня горят щеки. – Я думала о тебе.

Вот теперь у него отваливается челюсть.

Я тоже прекрасно понимаю, зачем мужчины смотрят такие видео. И ясно, чем Соловьев занимался до или после. Хотя не ясно, успел ли он вообще кончить за эту короткую сессию прошлой ночью.

Вид у него такой, как будто я своими глазами застукала его за мастурбацией.

Криво усмехаюсь.

– Ты ведь смотрел на это... с одной целью.

– Ага, – выпрямляется он, хватая за талию и притягивает к себе. – Хотел тебя забыть.

– Не вышло, судя по всему, – сжимаю его член через джинсы.

Он хрипло стонет.

– Не делай так, иначе я никуда не отпущу тебя сегодня, – шепчет он, поглаживая большим пальцем мои губы.

– Тебе и не нужно меня отпускать.

Соловьев отстраняется.

– Что ты сказала?

До меня с запозданием доходит, что я только что ему предложила.

– Э-э-э... – тяну я. – Ну я имела в виду, что...

Это самое безумное предложение, которое я когда-либо предлагала мужчине. Даже когда в садике предложила сбе-

жать всей группой на Северный Полюс – это и то было реальной.

– Ты хочешь, чтобы я смотрел на тебя... В живую, – припечатывает Соловьев и вжимает меня в капот. – Серьезно, Лера? Ждать рядом, пока ты кончаешь для других? Это ты предлагаешь?

Он на взводе и едва сдерживается. А я не могу ответить, потому что он терзает мои губы прерывистыми поцелуями, а его рука пробирается под одежду, под лифчик, который он так и не расстегнул сегодня. Я вздрагиваю, когда его холодные пальцы касаются меня.

Низ живота пылает огнем. Если я коснусь себя сейчас, то кончу еще быстрее, чем вчера.

Хватаю его водолазку и заставляю нагнуться.

– Если ты так и не переспиишь со мной сегодня, Соловьев, я тебя прокляну. Мне надо поработать, а значит, ты останешься рядом. Можешь не смотреть, если не хочешь. Но будь уверен, кончать я буду только для тебя.

Он натурально рычит и почти опрокидывает меня на капот, губы горят от его поцелуев. Щетина колется сильнее. Он ударяется бедрами о мои разведенные ноги.

– Это самая безумная вещь, которую я когда-либо слышал.

А потом он приподнимается, нависая над капотом и мной, и говорит:

– Но я был бы еще большим безумцем, если бы отказался.

Так что не смей кончать, Лера. Ты обещала.

Глава 12. Макс

Это самое странное, нелогичное и неоднозначное, что я творил за свою жизнь. А успел натворить я немало. Вспомните только тот детский день рождения...

Часть меня вопит от возмущения, ревности и ярости. А к остальным частям просто отлила почти вся отведенная мне господом богом кровь, и уж эти-то желания просты и понятны.

Я никогда не пробовал даже на троих. С двумя мужчинами или двумя женщинами, без разницы. Я прожженный собственник. Я – тот ворчливый сторож, который будет гнать сорванцов от любимой яблони, проклиная их до пятого колена.

Не знаю, как выдержать это. И не знаю, как повернуть назад, когда такого пути, в принципе, не предусмотрено. Отказаться сейчас, значит, отказаться от Леры такой, какой она есть. И снова вернуться к той утренней грязи, от которой я еще не отмылся.

– Воспринимай это как игру, – говорит Лера в машине, касаясь моей руки на светофоре.

Понимаю, что сжимаю руль до белых костяшек.

– Ну. Это... сложно.

Мягко говоря.

– Но я попробую. С чем ты будешь играть?

Этой дубиной в моих штанах я сейчас не только джинсы, но и капот машины пробью.

Как она говорила? «Иногда вибратор. Иногда два».

Охренеть.

– По графику у меня анальные шарики и толстый черный вибратор «Мастер Наслаждения Три Тысячи», – серьезно говорит Лера.

За нами начинают сигналить машины. Светофор уже переключился, а я сижу и смотрю на нее.

– Я шучу! – хохочет она.

Я трогаюсь с места, но мне не смешно. Я сейчас как наивный трехлетка, готов верить во все. Хоть в Деда Мороза, хоть в анальные шарики.

– Обо всем шутишь? – спрашиваю, кашлянув. – Графика у тебя тоже нет?

– Графика нет, а вот шарики и вибратор есть... Давай перекусим, а?

Она с тоской смотрит на «Макдональдс». Похоже, времени у нас только на фастфуд.

Резко сворачиваю, вызывая шквал возмущения на дороге, к ресторану быстрого питания. Кому вообще пришла в голову идея звать это место рестораном?

Когда приходит наша очередь, в Лерином заказе я путаюсь безбожно, поэтому чтобы не играть в испорченный телефон, Лера практически ложится мне на колени и сама проговаривает роботу заказ.

Трогаюсь к следующему окошку, практически не дыша. Воспринимай это как игру, сказала она, и, похоже, игра уже началась.

– Знаешь, – шепчет она. – Я, кажется, больше не хочу есть. Мысли в голове играют в боулинг. Страйк. И все лежит, кроме кегли в штанах.

Выхватываю пакеты из рук девушки, швыряю их на заднее сидение и вжимаю газ. До ее дома еще десять минут езды.

Мы доезжаем за пять.

– Я живу с соседкой, – говорит Лера, когда мы выходим, – но ты ее, скорее всего, не увидишь.

Она берет меня за руку и ведет к лифту, в котором я набрасываюсь на ее губы и, несмотря на это, этажи все равно сменяются целую вечность.

Лера с трудом попадает в замочную скважину. Руки подрагивают. Свет не зажигает, захлопнув дверь, так и ведет меня по темному коридору, распахивает дверь в комнату и запирает за мной щеколду.

Это комната метров на двенадцать, здесь есть стол с книгами, широкая кровать и елочной гирляндой на стене. Ковер и шкаф. Квартира наверняка съемная. Ничего примечательного.

Лера сбрасывает с себя обувь и ветровку, тянется к моим губам и шепчет:

– У нас есть полчаса.

Смотреть на нее после секса, наверное, будет все же про-

ще. Или я смогу и вовсе уйти?

Сбрасываю куртку, водолазку, пока Лера излишне щепетильно расстегивает молнию на моих джинсах. Штаны падают вниз, перешагиваю и стягиваю с нее узкие джинсы, пробуя на вкус кожу на ее животе. Наконец-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.